МИНЕЕВА С.В.

# ПОХВАЛЬНЫЕ СЛОВА НА ПАМЯТЬ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛЬВУ ФИЛОЛОГУ /К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ И ИСТОЧНИКОВ/

Проблема атрибуции произведений, традиционно приписываемых перу сербского книжника Анкиты Льва Филолога, до сих пор остается в науке весьма спорной, что объясняется прежде всего полным отсутствием достоверных фактических сведений о жизни и творчестве этого автора. Не вдаваясь в данном случае во все тонкости этой сложной проблемы, обратимся к вопросу об источниках Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия Соловецких, приписываемых Льву Филологу, о взаимосвязи этих текстов с разными редакциями Жития Соловецких святых, представленными в рукописях, что, в свою очередь, может дать интересные дополнительные подробности и для решения вопроса об их атрибуции.

Похвальные Слова Соловецким святым, приписываемые сербскому книжнику Анките Льву Филологу, дошли до нас в составе многих рукописных сборников, где они читаются обычно вместе с текстом Житий /см., например, ркп. РГБ, собр. Пискарева, №143, перв. полов. XVI века; РГБ, ф.304, собр. Троице-Серг. Лавры, №693, XVI век; Четьи Минеи Германа Тулупова за сентябрь и за апрель - РГБ, ф.304, собр. Троице-Серг. Лавры, №665, 1627 год и №695, 1630 г.; Четья Минея за сентябрь из того же собрания, список Минеи Германа Тулупова - №664, около 1657 года/. Слова могут содержаться в сборниках независимо от Житий /например, интересен по составу сборник из собрания Овчинникова РГБ, ф.209, №289, XVI в., озаглавленный в описи как "Житие Иосифа Волоцкого, сочинения Анкиты Льва Филолога и Зиновия Отенского", в котором содержатся все тексты, приписывавшиеся когда-либо перу сербского книжника[1]/. Анализ текста Слов на память Зосимы и Савватия по указанным спискам показал, что серьезных текстологических различий между ними нет и все они почти дословно совпадают с текстом, изданным в "Православном собеседнике". В качестве основы автор публикации в "Православном собеседнике" использовал списки Соловецкого собрания №812, XVI век и №808, XVII век /ныне ГПБ/. В процессе дальнейшего анализа текстов мы будем пользоваться этим изданием[2].

Единственным источником сведений об авторе Слов является для нас письмо, написанное от его имени и адресованное соловецкому монаху Богдану Русину, обратившемуся, в соответствии с содержащимися в этом письме данными, к сербскому агиографу в качестве заказчика нового произведения, посвященного памяти Соловецких подвижников /письмо опубликовано Н.И. Субботиным[3] по рукописи Вологодского Прилуцкого монастыря, местонахождение которой сейчас неизвестно; по указанию П.М. Строева, это послание Льва Филолога под названием "Букви черноризца Иоанкито Льва порекло Филолога монаху Богдану Русину" было известно ему по двум спискам: сборник биб-ки Спасо-Прилуцкого мон-ря, №35/I, XУI в., 4°, 296 л. - очевидно, тот же, что упомянут у Н.И. Субботина под №15, и сборник Антониево-Сийского мон-ря, конец XУI века, 174 л., 4°[4]. местонахождение второй книги также определить не удалось/. Как сообщается в письме, Слова были написаны Львом Филологом по просьбе соловецкой братии, причем подчеркивается, что для встречи с агиографом Богдану пришлось проделать дальний путь.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: чем был известен Лев Филолог на Руси и почему именно к нему обратилась соловецкая братия со столь почетным поручением? В современных справочниках по древнесербской литературе сведений о Льве Филологе нет[5]. В русской литературоведческой традиции с именем сербского книжника, начиная со статьи Н.И. Субботина, связывается создание нескольких произведений: помимо Слов на память Зосимы и Савватия, ему приписываются Похвальные Слова на память черниговских мучеников Михаила и Феодора, включенные Макарием в состав Успенского списка ВМЧ под 20 сентября /нач.: "Честное яко воистинну доброленное ваше стечение вина добреиших повестии..."/[6], а также Житие Иосифа Волоцкого, написанное неизвестным[7]. Похвальные Слова на память Зосимы и Савватия и Слова на память черниговских мучеников в русских рукописных сборниках могут приписываться также Зиновию Отенскому, что позволило Н.И. Субботину высказать предположение о том, что Зиновий был переводчиком Слов Льва Филолога на русский язык[8]. Ф. Калугин рассматривает появление имени Зиновия в заглавиях указанных произведений как недоразумение, не имеющее под собой серьезных оснований[9]. Принято считать, что Лев Филолог в течение длительного времени находился в России, где им были написаны Слова на память Михаила

и Феодора Черниговских, при работе над которыми он использовал текст "Сказания о князьях Владимирских" /Слова написаны в 20-е годы ХУI века/. Слова на память Зосимы и Савватия, считается, были написаны им позже, когда Лев Филолог находился уже в преклонном возрасте и жил в Сербии или на Афоне[10].

Время создания Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия, исходя из данных самих текстов, Н.И. Субботин определил границами 1534-42 годов /1534 - год смерти великого князя Василия Ивановича, 1542 год - год, когда Макарий стал митрополитом всея Руси, тогда как в тексте Слова Зосиме о нем говорится как о новгородском архиепископе/[11]. Р.П. Дмитриева сузила рассматриваемый временной промежуток границами 1534-38 годов, обратив внимание на то, что в том же тексте Слова Зосиме об Елене Глинской говорится как о живой, а она скончалась в 1538 году[12]. Интересный подход к датировке Похвальных Слов предложил Ю.К. Бегунов[13]: исходя из того, что Слово на память Зосиме одновременно посвящено и Пасхе, он пришел к заключению, что в год, когда писалось Слово, празднование Пасхи и памяти преп. Зосимы должны были приходится на максимально близкие числа. Таким образом, он предлагает временем создания Похвального Слова Зосиме считать зиму - весну 1536 года, когда празднование Пасхи пришлось на 16 апреля /день памяти преп. Зосимы - 17 апреля; ср. также: Пасха в 1534 году -5 апреля, в 1535 году - 28 марта, в 1537 году - 1 апреля, в 1538 году - 21 апреля по старому стилю/. Слово же Савватию, по свидетельству самого автора, было написано немного позже. Следовательно, наиболее вероятная датировка создания Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия укладывается в промежуток между 1534-38 годами.

Исходя из того, что при составлении Слов автор, в соответствии со сведениями, содержащимися в письме Богдану Русину, пользовался текстом Жития Зосимы и Савватия, обратимся к рассмотрению вопроса о зависимости этих текстов.

Житие Зосимы и Савватия, одно из популярных произведений древнерусской агиографии, созданное на рубеже ХУ - ХУI веков, было широко распространено в рукописях последующего времени /так, только в центральных хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и Государственном Архиве Архангельской области хранится около 230 списков этого произведения, датируемых ХУI и ХУII веками/.

Произведение имело сложную судьбу, и многие вопросы, связанные с историей развития текста памятника, до сих пор остаются не выясненными. В течение длительного времени общепринятым оставалось мнение В.О. Ключевского, который говорил по преимуществу об одной редакции Жития, хотя и не отрицал возможности существования его других редакций[14]. И.К. Яхонтов также утверждал, что Житие дошло до нас только в одной редакции Спиридона - Саввы[15]. В настоящее время Р.П. Дмитриева высказала важное предположение о том, что текст Жития Зосимы и Савватия дошел до нас в рукописях в нескольких различных редакциях[16]. Проведенный пословный текстологический анализ списков Жития из ряда московских рукописных собраний и ГААО позволяет подтвердить правильность этого предположения Р.П. Дмитриевой и выделить семь редакций текста памятника, представленных в рукописях ХУI - ХУII веков: редакцию Волоколамского сборника, которую Р.П. Дмитриева характеризует как первоначальную и, очевидно, принадлежавшую перу самого Спиридона - Саввы; редакцию ВМЧ митрополита Макария, являющуюся результатом непосредственного сокращения редакции Волоколамского сборника; подвергшиеся дальнейшему последовательному сокращению редакции "Повесть о Житии", Сокращенную и Позднюю Краткую, и наоборот, возникшие позднее, очевидно не ранее рубежа ХУI - ХУII веков, новые дополненные редакции Жития-редакцию с Предисловием Максима Грека и редакцию, дополненную по Похвальным Словам Льва Филолога[17] /Р.П. Дмитриева выделила четыре редакции текста: редакцию Волоколамского сборника, редакцию с Предисловием Максима Грека, редакцию ВМЧ Макария и Похвальные Слова Льва Филолога, которые она рассматривает как самостоятельное житийное повествование.[18]/

В связи с рассматриваемым вопросом об источниках Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия необходимо попытаться выяснить, какой редакцией Жития мог воспользоваться их автор. На сложность этой проблемы обратила внимание Р.П. Дмитриева: говоря о том, что "Похвальные Слова Зосиме и Савватию, написанные сербским писателем Анкитой Львом Филологом, представляют собой одновременно и житийное повествование"[19], она отмечает, что Слова эти "написаны в такой степени самостоятельно, что трудно судить, какое именно произведение о Зосиме и Савватии было предоставлено автору Богданом Русином"[20].

Прежде всего следует обратиться к проблеме сравнительной датировки изучаемых текстов. Какой редакцией Жития мог воспользоваться автор Слов, исходя из времени их создания? Как говорилось выше, Похвальные Слова были написаны в период между 1534-38 годами. Датировка изученных списков Жития показывает, что в качестве источника для автора Слов могла служить любая из четырех первых перечисленных выше редакций. Позднейшая из них, Сокращенная редакция, содержится в рукописи перв. полов. XУI века /до 1548 года - РГБ, собр. Пискарева, №143, см. также ркп. Троице-Серг. собр. РГБ, №693/, причем оба эти списка наряду с текстом Жития содержат также и Похвальные Слова.

Что же касается редакции с Предисловием Максима Грека, которую Р.П. Дмитриева рассматривает в качестве возможного источника Похвальных Слов[21], то нам представляется, что такому заключению противоречит уже само время ее создания. Самый ранний из изученных списков Жития, отнесенных нами к указанной редакции, точно датирован - он создан в Соловецком монастыре в 1595 году /МГА МИД ЦГАДА, ф.181, №846/1412/. Однако анализ состава рукописей дает возможность для более точной датировки. Все списки этой редакции содержат "новостоворенные чудеса" игумена Филиппа, следовательно, редакция не могла возникнуть ранее 1548 года /дата написания "новосотворенных чудес", присутствующая в тексте/. На более позднее происхождение этой редакции указывает и то, что все списки содержат разное количество "поздних чудес",закономерно отсутствующих в списках четырех перечисленных выше, более ранних по происхождению редакций. Наименьшее число "поздних чудес" читается в списках: ЦГАДА, ф.181, МГА МИД № 846/1412, 1595 год; ЦГАДА, ф.196, собр. Мазурина, №600, XУII в.; РГБ, ф.299, собр. Тихонравова, №40, конец XУII века - они содержат три поздних чуда, которые читаются также в двух списках Сокращенной редакции /РГБ, собр. Ундольского, ф.310, №586, нач. XУII века и ЦГАДА, ф.181, МГА МИД, №507/988, XУI век/; датировка этих рассказов укладывается в границы втор. полов. - конца XУI века. Наибольшее количество "поздних чудес" также содержится в списках только этой редакции, их число достигает 15-ти - см. списки РГБ, ф.113, собр. Иосифо-Волок. мон-ря, №610, 1679 год, собр. Тихонравова, ф.299, №623, рубеж XУII - XУIII веков; МГУ, №1350, втор. полов. XУII века; ГААО, 8 р.п. /530/, рубеж XУII - XУIII веков. Исходя из представленных сведений о соста-

ве рукописей, датировка редакции с Предисловием Максима Грека укладывается в промежуток между 1548-95 годом, и уже поэтому текст Похвальных Слов по отношению к указанным спискам следует считать первичным, что подтверждается также и сопоставительным анализом этих текстов.

Учитывая сказанное, непосредственно обратимся к сопоставлению текста Похвальных Слов с разными житийными редакциями.

Прежде всего следует отметить, что Похвальные Слова в несколько раз превышают по объему тексты Житий Савватия и Зосимы - соотношение, необычное для произведений этих жанров. Столь значительное расширение текста Слов было произведено за счет того, что автор ввел в их состав обширные вступления и заключения, необходимость которых предписывалась требованиями житийного и еще в большей степени панегирического жанров. Эти части Слов, традиционные в своей основе и не зависящие от текста Житий, при дальнейшем анализе рассматриваться не будут.

Более важное значение имеет для нас характер внесенных изменений в основную часть Слов, которая в целом соответствует тексту Житий по содержанию и по логике построения повествования. Не уделяя здесь особого внимания вопросам переработки стиля, обусловленной требованиями нового жанра и приверженностью автора Слов литературной традиции "плетения словес", проследим в целом направление работы автора Слов над житийным текстом.

Основная часть Слов по сравнению со всеми рассмотренными нами редакциями Жития также была значительно расширена. Что же нового внес в свой текст автор Похвальных Слов? Прежде всего, очевидно, он стремился дополнить свое произведение за счет отсутствующих в Житии эпизодов, необходимых с точки зрения житийного канона. Начало Жития Савватия автор Слова, однако, оставил без серьезных изменений и перенес в свой текст из Жития объяснение отсутствия у него необходимых сведений о святом, отказываясь от их дополнения в соответствии с традиционной житийной схемой: "Пространное бо и широкое ведение, не веде, како сопрятася и многем или всем утаися... Мало бо нам и зело мало во многех летех слышана быша, яже о нем: весть бо лето своим течением бываемая забвению препущати и безвестию отсылати, еже нам и тщету даровосит, и лиховани нас соделовает, яко же и ныне от деяства искомаго нами преподобника... Нам же немала тщета неведение и хотящим нареть двигнутися добродетели мужа. Тем же, яко

и бедне, худе некако, и мало слышанное о нем друг другу повествуем" /Ч.3.С.103-104/[22]. Автор Слова предлагает дополнительное обоснование отсутствия у него необходимых сведений, в соответствии с каноном ссылаясь на христианскую кротость и смирение святого: "Сие бо он, яко же разумевахом, хотяше, всегубительное тщеславие в мале и в велице отрясаше, и сицевыми, яко же мню, сокрыта и утаена множаишая детель мужа" /Ч.3. С.104/.

Житие Савватия[23] очень кратко говорит о пребывании преподобного в Кирилло-Белозерском монастыре: "Живяше же блаженыи Саватии в прежереченнои обители с пребывающими тамо мнихи, и соодолев тем послушанием ко игумену и еже о Христе братству в заповеданных ему службах, к сему же многим воздержанием и пощением изнуряше тело свое и соодолеваше страстем, купно же и всем соличным четам бесовским" /Л.4/. В Слово вводится каноническое в своей основе описание трудов и подвигов Савватия в Кирилло-Белозерском монастыре: "Припрязает же к тому неразсудное послушание к настоятелю же и к братии, и во всем покаряяся, добре ходя, ведыи, яко ступати, яко же Божию рабу подобает, и никако же когда о чесом явися пороптав, но с верою вся приемляше бываемая в киновии, от отца учиняемая, от Бога быти хотению тако внимаше, посту, елико мощно, прилежа, собрании никако же отлучаяся, стояше же на пениих, не на стену, яко немощен, восклоняяся, ни же на тоазе, яко ослаблен, когда лежа, но сице просто, яко столпие, тому нозе утвержени, стояше, никако же митушая ногами, яко же кто на позорищи, весь опрятан, прост, горе простерт, яко самому Господу предстоящу, неослабно и непреступно стояше в страсе божественном и во умилении мнозе и в молчании велии, умом точию моляся, никому же когда о земных проглагола на пениих. Работы же, яже во обители, вся по чину проходя, егда повелеваем бывает от настоятеля - овогда в поварни работати ему повелевашеся, той же с радостию в поварницу отхождаше в тихости и тамо сущую работу во смирении и молчании сотворяя, огнь же память геенскаго пламене тому, возгнещая, бывает, и всегдашнее умиление отсюду притяжает, и молитва тому во устех непрестанна на работе, еже Геенны избыти милостивому Господу Богу вопияше, устрашаше бо того присно огненное зрение. И егда довольно время некое сотворив будет в поварницы, в хлебопекалницу оттуду игуменом изводим бывает - и тамо труд не мнее ему, и ту блаженныи чисте работу устрояет и терпеливе, тесто меся и пещь разжигая,

и воду хлеботворению на раму приношает. Иногда же и нищих питати повелевается, иногда же больным служити приставляется, иногда же трапезе служити братстеи уставляется. И вся сия Саватие с теплою верою и горящею любовию к братии работает без роптания /Ч.3. С.110-111/.

В Житии Савватия говорится, что еще во время пребывания в Кирилло-Белозерском монастыре святой узнает о жизни иноков на Валааме, что способствует его решению перебраться туда: "Есть езеро в Наугородской области, глаголемо Нево, на нем же остров, рекоми Валам, на острове же том монастырь Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа святое Преображение, и тамо иноцы имуще неослабно житие, тружающеся и делающе своима руками, своего труда пищу нужную приимаху, пения и молитвы беспрестани к Богу приношаху" /Л.5/. Слово значительно расширяет этот текст: "И тако испытавая, слышит о обители некоеи, быти тои в Невском великом езере, иже в пределех великаго Новаграда, остров тои Валаам именуем. На нем же горе быти каменне, глаголют, на горе кинов возгражен. Стези же быти тесне, и путь остр зело с горы, камени жестоку сущу и несравненну, ходящим по нему ноги стирая, по нему же волови и коню несть мощно когда восходити или сходити - потому черноризцы, сходяще, воду почерпают хлеботворению и питию и в поварницу возносят на свою раму, нозе бедне озлобляюще. И хлевины от древес сотворяют сами, древеса секуще и дрова собирающе - таковыми труды тамошнии черноризцы удручаеми бывают, еще же со инеми добрыми своими, и соуз добротам черноризческим имуще; сами бо своими руками тружающеся, свои хлеб стяжавают, и тем питающеся, не тяжцы иным бывают потреб своих ради" /Ч.3. С.112-113/. Автор Слова вновь основное внимание уделил подробному, каноническому в своей основе, описанию трудов монастырской братии.

В том же направлении расширяется и последующий текст, повествующий о пребывании Савватия на Валааме. В Житии вновь говорится об этом периоде жизни подвижника предельно кратко: "И пребываше ту, с братиею тружаяся, и прилагаше к трудом труды, и любим бе всеми. И пребыв тамо немало время, добре устрояя заповеданные ему службы во обители онои со всяцем смирением и многим терпением и кротостию зельною" /Л.5об/. В Слово включаются дополнительные канонические детали: "Посылает же ся и ту в тяжкия работы киновии, в поварницу же и в пекальницу, и рыбная ловления,

и прочая, яже киновия она имат работы, но и дрова секии, и ралом бразды прочертая, вся же повелеваемая ему творяше без лености с молчанием" /Ч.З. С.114/. Далее автор Слова вводит в текст подробное, традиционное в своей основе, описание добродетелей святого, ставших причиной его особого почитания в среде монастырской братии: "И никто же от того слыша о чесом когда глаголюща, яко: "Что ради сия" или "Почто оно бысть?" - вся бо тому угодна бываемая является, иде же душа не поврежается... Разсмотривши же того детеле отец и иже о нем братия, како той готов обретается на вся повелеваемая ему кимждо, колика ему кротость, колико терпение, и яково же беззлобие, и какова же и любы в братию, и ни же о пищи тому попечение или слово бывает, и вся сия зряще в нем, не к тому пришельца того имети начинают, ни яко же брата полагают, отца же паче имеют того прочее" /Ч.З.С.114-115/.

Расширяются в Слове по сравнению с Житием эпизоды абстрактно-канонического характера, рассказывающие об уходе Савватия из Валаамского монастыря, когда он решает отправиться на Соловки. Так, автор Слова подчеркивает нежелание игумена и братии отпустить святого: "Молят убо абие его вси никако же отходити от них, ни же лишати их любве его и отщетити их благообразнаго и благоговеинаго своего сопребывания, его же яко пронисание устава мнишескаго взирают. Елма же желанием лучьших побеждаем, Саватие неумолим теми и неумягчаем молитвами черноризец, и к глаголемым от них никако же слагашеся. Что к сим творят мнихи со своим их отцем, неумягченна его зряще и непреклонна к молению их? Ухищряют, яко благокознени, ин образ восприимше, препрети мужа начинают, удерживают того и не хотяща, властительски прочее тому не отити повелевают от обители их... Честь же многу тамо черноризцы ему сотворяют, не убо же и приятна ему, но постницы они любовию к нему содержимы, и не стыдящеся его их добродетели, сия сотворяют: и от всех во устех Саватиевы добродетели обношахуся". И снова автор говорит здесь о добродетелях Савватия, у которого "по-еленьски душа распаляется" и который "день дне подвизашеся, еже бы труды превзити словы - о них бо исправлениих аще хвалу услышит, гибель труда вменяет быти" /Ч. З. С.198-199/.

Таким образом, переработанной оказалась почти вся часть Жития Савватия, рассказывающая кратко о жизни святого до его при-

бытия на Соловецкий остров. Дальнейшее повествование Жития, описывающее жизнь и подвиги преп. Савватия на Соловках, в дополнениях канонического характера, с точки зрения автора Слова, не нуждалось.

Тот же подход проявился и при работе над Житием Зосимы, в начало текста посвященного ему Слова также были введены необходимые с точки зрения канона эпизоды. Наибольшей переработке при этом была подвергнута часть Жития, рассказывающая о происхождении святого, его родителях и детстве.

Из всех редакций Жития только редакция Волоколамского сборника /не считая редакции с Предисловием Максима Грека, о чем будет сказано ниже/ содержала конкретные данные о происхождении Зосимы: "Бе некии муж от тамо живущих веси, Шунга нарицаемо, именем Зосима. Сеи бяше благочестиву и богату родителю сын... Прежде бо беста родителя его имуще житие в великом Новегороде, и тако вселистася в онои веси близ моря, ту убо хотяста житие имети, яко двести верст от моря или множае" /Л.231-231об/[24].

Текст Похвального Слова представляет нам по этому поводу совершенно иные сведения: "Сии Зосима, о мужие, от села великаго езера Онега, зовомаго Толвуя, области сущи великаго Новаграда... Родившии же отрока сего Гавриил и Варвара, христиана верою и благочестне пребывающе, стяжанием же ни же вельми богати, ни убо же и нищи, но довольное имуще" /Ч.2. С.353/.

Строго следуя житийному канону, автор Похвального Слова реализует и такое его требование, как необходимость похвалы родины святого. Этот мотив в Житии отсутствует. Ср. в Слове: "Никто же ми зазирай, отечество яко худо блаженному прирекшу. Первие зазираяи да разумеет, яко христиане гражаном быти горняго Иерусалима, и отечьство то именовати, и Господа избравша апостолы не от великих и святых градов, но малых и худых и мале знаемых тогда, ныне бо, апостол ради, на концах земля словущих" /Ч.2. С.353/.

Во всех редакциях Жития отсутствовали необходимые с точки зрения канона сведения о детстве святого, его обучении, жизни до принятия монашества. В Слове находим развернутый текст: "Преспевшу же отроку возрастом, учим бывает священным книгам, приобретает отсюду великая юныи, погружая бо ся в любовь Писания, исходя во глубину мыслей божественных, обретает бисер разума, разумевает Бога, познавает богатство благости Божия. Срам-

ляется прочее юношьских обчаев держатися, тих некако и гладок юнныи бывает, мягку имяше мысль на вообраҗение учимых, навыкает божественныя заповеди, яко губа воду... Украшает юность целомудрием, неже гривнами златыми облагати выю, ведыи, яко отсюду уму целость пребывает, юностию же умною удобь возможет размыслити и обрести лучьшая. Брака же добрыи отрок отричется, убо обаче не яко гнушаяся того, но премудрости рачитель бывая, и безженное житие доброму отроку женущу, сластем узду налагает воздержание... Но понеже лепо родителем его понудити и на мирская обычая, ими же пища приобретается и богатство стяжания пребывает, отроку же немятущееся паче пребывание желательно, неже настоятельное и многоволненное житие преходити, и ума целость возмущати, и чисте никогда же смущая усмотрити. А еже родителей повеление презрети не безбедно есть - чтити бо повелевает заповедь рожшая и апостол повелевает и сие бити правде Божии повествует - содержится и утешняется обоюду юнныи, и несвободна себя зря к их же от него желаемым, и родительску повелению послушати доволен не беяше" /Ч.2. С.354-356/.

Говоря о решении Зосимы принять монашество, автор Слова много места уделяет общим рассуждениям о христианских иноческих добродетелях, подчеркивая при этом, что достичь их можно лишь в результате длительных трудов и подвигов, причем имея перед собой пример хорошего наставника, а рядом - достойных учеников и подражателей. Однако отсутствие учителя не препятствует Зосиме в его подвигах, что дает автору возможность еще раз вернуться к прославлению добродетелей святого. В конечном итоге Зосима приходит к мысли о необходимости уединения, и как подчеркивает неоднократно автор, сразу же думает об основании собственного монастыря: "И сих ради поучается оттуду отхождению в ключимое чернечеству место, но да и монастырь тамо возградит желающих ради чернечествовати - несть бо в стране той монастыря мнихом... и отрицающимся мира паки посреди мира сообращахуся и в мирских домах вселение имуще. О сих Зосиме попечение привниде, болезнует бо о неподобающих образу селениих... и любовию братии томится паче, неже своим упокоением" /Ч.2. С.361/. Из всего сказанного автор делает вывод, который завершает подробный и каноничный рассказ о жизни Зосимы до принятия им решения отправиться на Соловки: "И пощадив Господь хотящих спастися, всесильным мановением устроюет мнихом монастырь в пронареченном си месте по-

двигом и тщанием Зосимовым" /Ч.2. С.361/.

Всему этому тексту во всех редакциях Жития соответствует весьма краткое и абстрактное описание: "Искаше, яко елень воды живы, помышляя в себе, глаголюще: "Како аз еще сии исполу вмале отвержение мира сотворих, словом токмо. Писано бо есть: "Не словесем мзды дають\ся, но делом, и не послушницы закона спасаются, но творцы". Родителем всегда пред очима моима и всем ближником моим по плоти, другом же и знаемым, и сообращаюся посреде их. Что же есть мое отвержение мира? Писано бо есть: "Не любите мира и еже в нем. Не бо есть мощно единем оком зрети на небо, а другим на землю, и не есть мощно единому рабу двема господинома работати". Сия помышляющу рабу Божию Зосиме в сердцы своем, разгорашеся на любовь Божию по вся дни и нощи и часы, и прилагаше любовь к любви и огнь к огню, искаше помогающаго ему в духовныи подвиг" /Л.17об–18/. Текст этот, представляющий собой по существу соединение нескольких цитат из Писания /см. Псалтирь 41,2; Ап. Посл.Иакова I, 22-25; 4,II; Ап. Посл. Римл. 2,13; Ап. Посл. Галатам II,12; Ев. от Матф. 6,42; Ев. от Луки 16,13/, заключает в себя в Житии все повествование о жизни Зосимы до того, как он решил отправиться на Соловки. В результате весь текст Жития Зосимы оказывается полностью посвященным описанию подвигов святого, связанных с основанием и строительством Соловецкой обители. Как и в случае с Житием Савватия, при работе над текстом Жития Зосимы автор Слов посчитал ненужным вносить в последующий текст какие-либо серьезные дополнения. Лишь в нескольких случаях он частично расширил уже присутствовавшие в тексте Жития эпизоды канонического характера.

Так, дополнительные детали были внесены в повествование о бесовских кознях против Зосимы, когда он остался на острове один после отъезда старца Германа на Онегу-реку. Нападение бесов на Зосиму представлено в Слове в нескольких последовательных стадиях: сначала они "приходят на сего мужа, уныние тому налагающе. Той же будущих благ желанием уныния лютому бесу сопротивляшеся и надежею душу си вжиляше". Тогда враги "ин образ умышляют: приходят же, мятущеся, яко пияни, клопоты воздвижуще". Наконец, когда и это не смутило преподобного, они "болшии подвиг воздвижут, и разгневашася свирепии на нь, во образах дивиих зверей тому предсташа" /Ч.2. С.474-475/. В Житии о бесовском нападении говорится более кратко: "Видевше же беси поругаемы себе

и уничижаеми от преподобнаго Зосимы, и тако начаша ков ковати и клопот мног творити. И сподвигошася на нь всею силою, елико их тамо жилище имуще - не обретаху бо ся тамо человецы никогда же, отнеле же и солнце в небеси. И придоша паки, преображахуся в различныя зверя и ящерица, и многия гады, пресмыкающаяся по земли. И устремишася вси вкупе, змия зияюще, хотяще и пожрети, зверие же рыкающе, мнящеся растерзати и" /Л.23-23об/. В Слове как бесовское наступление представлен также и угрожающий Зосиме голод, когда у него кончились запасы пищи: "Заседают паки злу делателе, время яко помощника обретше си, влагают тому тесноту пребывания, морскую скорбь, глада нужду, уже настоящее пищи неимение, безгодие смерти - сими помышленьми возмогают к столпу твердому лютии, яко и поколебати и" /Ч.2. С.476/. И здесь автор Слова вводит обширную каноническую речь Зосимы: "Срам есть, - глаголя в себе, - о Зосимо, иже преже любомудрившу умрети и неподвижну быти к их же мира сего суть и всячески к того блазнам нечювственну, како почювствовати ныне належащаго глада нелюбомудренно начинаеши?..." /Ч.2. С.477/. В Житии же в соответствии с рассмотренным текстом читаем: "И мало недоставшу ему пища, и о сем поусумнеся помыслом мало, та же возложи на Господа упование, в себе глаголя реченное: "Возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитает во веки" /Л.25/.

Следующим эпизодом, который ввел автор Слов в текст независимо от Жития, стал рассказ о том, как преподобный Зосима изучал Божественное Писание, творения отцов церкви, жития святых подвижников и на их примере воспитывал братию своего монастыря: "Прилежаше же и божественных книг чтению, и отсюду паиначе острейша ума сотворяет, прочиташе же и святых мужей житиа, и преподобных отец словеса, и дивляшеся пачеестественному их житию, похваляя тех благоразумие и добронравие, благодарствоваше же Бога, иже на толику высоту жития вознесшаго их, моляше же ся и сам, ревнуя житию их, по стопам жизни их последовати, и тако весь светел ум свой соделовает, и готов уже по стопам преподобных отец ходити. Наказует же и братию к ревности святых жития, сказуя им коегождо изрядних исправления, ового целоумие похваляя, оного же целомудрию дивляшеся, и другаго кротость ублажаше, иного же беззлобию чюдяшеся, и иного же смиренномудрие в в высоких добродетелех величая, и другаго крайнее послушание блажаше, иного же пощение иже паче естества похваляя, иного же

многому терпению дивляшеся, и тако насобно коегождо святаго добродетель поведуя, на ревность возбуждает тех святость и тако добре подвизатися, и на лучьшая приспевающе день денне" /Ч.2. С.483/. Данный текст, очень характерный по стилю и структуре для автора Похвальных Слов, построенный на основании цепи последовательных перечислений добродетелей, находит себе почти полное соответствие в приведенном выше отрывке о почитании Савватия братией на Валааме.

Другим очень характерным для стиля автора описанием дополняется содержащееся в тексте Жития Зосимы упоминание о том, что святой ввел в своем монастыре Иерусалимский устав: "Учиняет же и закон монастырю общежительныи, яко Иерусалимскии типик велит. И нетия в церкви благочинне и добре положи, братии же на пениих собиратися в начаток гранеса перваго всем и в терпении пождати даже до отпущения иереиска, предстояти же в церкви в страсе и благоговении мнозе, яко ту сущу Богови предстоящу и истязающу коегождо предстояния их, и послушати певаемых во мнозе умилении с прилежным вниманием, от места же на место преступати никамо же, но комуждо от мних входящу во святую церковь познавати свое си место и неподвижно даже и до отпущения во едином месте стояти во мнозе молчании и никако же провещати глагол каков смети кому, разве поющих и чтущих. Аще кто преступит уставленная, или от места на место преходя, и беседу начал бы кто, яко безчинницы запрещаемы бывают, шептателе же и мятежницы наказуются . На трапезе же седати в молчании и кротце устроении и внимати сущаго ту чтения, глаголати же кому на трапезе отнюд не повелевашеся, но яко же божественныи жертвенник, тако же и трапезу братии разумевати честну и святу быти, служителем тако же с молчанием предстояти братстве трапезе и прилежно внимати очима на трапезу, ему же, кто что требоваше, да представляют с молчанием, и кто бы обрелся на трапезе беседуя, от трапезы отгонятися таковому повелевашеся и до вечера без пищи пребывати. И прочая же в киновии обычая добре устрояет и боголюбне, полн сыи разума и вся могии боголепне устроити" /Ч.2. С.490-491/.

В свете особого внимания автора Слов к мелким подробностям монастырской жизни и устава, стремления к их регламентации совершенно органичным выглядит в тексте и дополнение, введенное автором в предсмертное завещание Зосимы братии: "...завещевая всем ученикком своим ничто же от преданных тем монастыре обычаев

вредити, но твердо устав киновии вседушне соблюдати, хотящим же разорити и поколебати что от уставленных не попустити когда, и пиянственнаго пития в киновии имети никако же, и женовидных лиц бегати, и ни же где когда во отоце дати им места, но и доилиц млека и масла виною никогда же на оток сии возводити - вся бо сия черноризцем препятия доброму течению, и прочих душа тлящих обычаев ненавидети, ни же подавати ног своих во смятение: "Да не воздремлет храняи, - яко же пишет, - и сим хранимом от них неотлучно духом сопребывати им тому, аще и дерзновение к Владыце получит" /Ч.2. С.492/.

Таким образом, анализ дополнений канонического характера, внесенных автором в текст Похвальных Слов в процессе его работы над текстом Житий, показывает, что основное внимание было уделено им, наряду с введением эпизодов, строго предписываемых требованиями жанра, также описанию различных деталей монастырского устройства и устава. Другие дополнения канонического характера в общем объеме незначительны, и хотя представляют интерес в стилистическом плане, с точки зрения своего содержания традиционны. Как уже говорилось, дополнения были внесены в основном в начальную часть Житий, повествующую о жизни святых до их приезда на Соловки. Описание соловецких подвигов преподобных, составляющее основную часть Житий, было перенесено в текст Похвальных Слов без значительных изменений. Прежде всего это касается Жития Савватия, поскольку в Слове нашли отражение все детали житийного повествования и большинство эпизодов, многие из которых были перенесены в Слово даже без переработки стиля /см., например, интересный в стилистическом отношении эпизод, рассказывающий о смерти святого Савватия/. В Слове на память Зосимы рассказ о жизни подвижника на Соловках по сравнению с Житием подвергся незначительной стилистической переработке и сокращению. Сокращение производилось в основном за счет устранения из текста диалогов действующих лиц, их высказываний, молитв, а также ряда описаний канонического характера /например, см. рассказ о поставлении Зосимы на игуменство, о подготовке к литургии после его возвращения в монастырь из Новгорода, о последней поездке Зосимы к архиепископу с просьбой о защите монастыря от боярских подданных/. Прямая речь передается в Слове в форме косвенной /характерный пример - переработка послания из Кирилло-Белозерского монастыря, адресованного соловецкой братии

и касающегося перенесения мощей преп. Савватия с Выга на Соловки/. Полностью выпущенными из текста Слова оказались интересный своей конкретностью, ярко описывающий жизненные реалии /борьба строителей с мошкарой - "комарами и мшицей" - с помощью костра, разведенного "дыма ради курящагося" и ставшего причиной пожара/ рассказ о чуде при построении новой церкви, а также рассказ о том, как благочестивый новгородец Памфилий расспрашивал преп. Зосиму о видении на пиру у боярыни Марфы, который содержательно полностью повторяет предшествующий разговор Зосимы со своим учеником Даниилом /в Слове имя ученика не называется/ и представляет собой в Житии дополнительное доказательство достоверности описанного чуда.

Но наибольший интерес представляют случаи, когда автор Слов внес в свой текст новые по сравнению с текстом Житий конкретные сведения и детали. Прежде всего это касается реалий Соловецкого острова:

Житие:

"Слышав же от живущих ту о острове, в море-окияне, сказовашеся, отстоит же от земля яко два дни шествия имяше. Глаголют же, округ его поприщь сто, и езера имяше посреде себе многи, и рыбы в них множество по родом их, а не морская, а иже в мори, то морская, есть и округ его ловища рыбам. И приходяще ловцы, ловлю творяху, и отхождаху восвояси. Остров же той древесы разными цветяше, и борием верси горам покровены, и по раздолиям всяко древо имяше, и ягодичия многоразлични бяху, и сосния превелия, и на вся потребы благостроины бяху" /Л.6$^{об}$-7/.

И далее: "Реша же ему насельницы местнии, иже прямо острова того живущии: "Есть убо остров той отстоит отселе не близ, но двема днеми в благополучие едва достизают и" /Л.8$^{об}$/.

Слово:

"Слышит же от неких во окиянстем мори отоку некоему быти, Соловки, тако зовом. Путь убо человеческаго пребывания неприятелен, никогда же тамо кому вселитися - неплаваемо бо то бывает в зиму, протяжет бо ся тамо зимнее время на шесть месяц или множае, при отоце же том точию в летнее время хотяи рыбных ради ловитв пребывает; от земля вдалее близ быти яко поприщь сто, тамошнею же мерою шестьдесят верст быти или мало что множае" /Ч.3. С.196-197/.

Автор Слова называет расстояние от побережья до Соловецкого острова - 100 поприщ /т.е. около ста верст/. Эти данные соответствуют редакции Волоколамского сборника, во всех других редакциях они отсутствуют. В Слове говорится также: "тамошнею же мерою шестьдесят верст быти или мало что множае". Скорее всего, эта цифра представляет собой обозначение длины или ширины острова и соответствует данным, содержащимся во всех редакциях Жития: "Глаголют же, округ его поприщь сто". В редакции Волоколамского сборника при этом читаем: "округ его верст сто или множае, а вдоль бяше острова того яко тридесят верст" /Л.217об/. Чем же объяснить такое несоответствие между данными Жития и Слова? Фактически в большей степени верны сведения Волоколамского сборника /около 100 км от побережья до острова, очевидно, имеется в виду ближайшая точка побережья - устье реки Выг, Сорока /ныне Беломорск/, и 25 км - длина острова в соответствии с современными данными/. Сведения же Жития о том, что "вокруг острова поприщ сто", вероятно, ошибочны, поэтому подверглись пересмотру автором Слова: он указал 60 поприщ вместо ста. Другие же дополнения о продолжительности зимы на острове, внесенные автором Слова, в Житии соответствия себе не находят.

Другие примеры:

| Житие: | Слово: |
| --- | --- |
| "Землю же с подругом своим Германом копаху мотыками и от того питахуся, в поте лица, по глаголющему снедаху хлеб свой" /Л.10/. | "Питающеся же от сущих ту ягодичии лужных, потом же и землю воскопавше, от земных семен вметают, яко же тамошняя земля плодоносити может, и тем от гладу утеху обретаху" /Ч.3. С.201/. |
| /Герман/ "сказа ему вся по ряду, иже о блаженном Саватии, и о острове того состоянии, и о угодних местех ко устроению монастыря, иже дельныя земля, и древа к созданию храмов, и езера с рыбами, и морских рыб ловитвы/Л.20об/. | "Сказует же и отока устроение, удаление от вселенныя и человеча всячески пременена пребывания. И никто же тамо когда вселися преже авва Саватия, обаче хотящему тамо селитву имети ко утешению потребная может подавати земля острова оного, дубраве бо саморасленне суще тамо, и лугове мнози, в них же ягодичия лужная сладка на вкушение и нужную потребу телеси наполняюща, и вод |

3-1530

| | |
|---|---|
| | сладких езера много, изводяще родове рыбам, и источницы проистекающа, и земля оратвенная, и вся, яже человеческу жительству исполняют" /Ч.2. С.362/. |
| "И обрете же место ко устроению довольно, на вмещение обители зело изрядно и прекрасно, да и езеро близ над морем, яко единем стрелением вдалее, ту бе и ловитва рыбам" /Л.20/. | "Разсмотряюще места, подобна своему разуму в покои, обаче от пристанища тихаго морскаго, иде же морстии пловцы от обуревания покои и тишину имеют. Мале вдалее от брега колибу водрузиша близ езера, в нем же сладце суще воде" /см. ркп. Троице-Серг. собр. РГБ, ф.304, №695, Л.188; в изд. здесь большой пропуск/. |

Несколько дополнительных деталей по сравнению с текстом Жития сообщается в Слове о Германе: "И обрете тамо /Савватий/ черноризца стара Германа именем, безкнижна бо того и проста нравом" /Ч.3. С.200/; "Герману же знающу остров, готове поведая Саватиеви вся опасна о нем" /Ч.3. С.200/; "Герману же стяжания не имущу, пригвождающа на месте том, легок на пришествие" /Ч.3. С.200/.

Более конкретно в Слове описывается строительная деятельность в монастыре: "И тако возгражают хлевины многи на приятие хотящих пребывати с ними, и двор монастыря разширяют... Подобает и молитвенному храму быти, да же обще собирающеся, от всех, яко единех уст, славословие всех Владыце воздавается" /Ч.2.С. 480/. "Елма же умножившимся монахом, и вмещатися неудобно малости ради храма, тако же и тесноты трапезница, тем же и церковь велику и красну водрузи, много пространствия имея, яко же и на воздусе в начатце пришествия виде на месте, иде же света бысть блистание. Зиждет же вдалее, яко вержения камени, и трапезницу, при неи же и молитвенныи вторыи храм с восточныя страны во имя пресвятыя Богородица приснодевы Марии. Та же и хлевины многи возградив, кождо друзе придержащися, еже и ограда двору купно, и хлевины мнихом, и яко стена граду зрящим являшеся от четырех стран двору хлевин устроение, посреди же двора, яко некое пресветлое око и всюду зряще, водрузися церковь" /Ч.2.С.491/. Ср. в Житии: "И начаста древеса сещи и келия здати" /Л.25/; "И по сем повеле созидати церковь величайшую святое Преображение на

на том месте, иде же виде луча божественная явльшася..." /Л.34об/
Описание, содержащееся в Слове, в образной форме достаточно точно отражает реальную планировку расположения зданий в Соловецком монастыре, отмечая ее характерную особенность: братские кельи располагались вдоль границ монастырской территории, представляя собой одновременно ее ограду. Поскольку, как показывают документы, до 1578 года в монастыре существовала лишь скромная деревянная ограда, символически отделявшая обитель от внешнего мира, то кельи, расположенные по периметру обители /то, что древние деревянные кельи и затем каменные братские кельи XVI века располагались на том же месте, что и возведенные в XVII веке, сохранившиеся до наших дней после многочисленных переделок каменные жилые здания, подтверждают археологические раскопки/, выполняли одновременно и функции монастырской стены[25], о чем говорит и автор Слова.

В тексте Слова находим и иные дополнительные конкретные подробности. Так, говоря о решении корельских рыбаков изгнать Савватия с Соловецкого острова, автор Слова подробно излагает их намерения: "И наследити и́ /остров/, и яже о нем ловитвенная места одержати, и дань собирати от приходящих рыбарь, управити та же и покорити места корельску языку..., и уже в руку все имея, твердо не пщуя уже и неизменяема наследие себе же и чадом своим и в роды содержати, и владети, и пределу зватися корельску; но да и черноризца отженет, или да поработит, не хотящу места отити" /Ч.3. С.201-202/.

Об архиепископе Ионе автор Слова дополнительно сообщает:"тогда пасыи божественную паству иже во блаженнеи памяти Иона, преемник сыи престола преподобнаго архиерея Евфимия" /Ч.2. С.480-481/. Перед рассказом о последней поездке Зосимы в Новгород в Слове находим: "Тогда же Феофилу в Новеграде престол приимшу" /Ч.2. С.495/.

Слово содержит многие другие мелкие детали, отсутствующие в тексте Жития. Например:

| Житие: | Слово: |
|---|---|
| "...пождати ему /Савватию Нафанаила/ на Выгу при часовни" /Л.14/. | "...пождати того ему в молитвеннем храме оном. Храм же оныи молитвенный не бе священ великим священием, тем же ни же иереи при нем, не бо приноситися бескровна жертва в нем, но тако |

| | |
|---|---|
| | просто людие сельстии собираются тамо, молитвы творяще" /Ч.3. С.206/. |
| "И се приидоша к нему /к Зосиме/ два мужа светлы образом, влекуще за собою кережу" /Л.24/. | "Приходят бо два мужа незнаема к нему, светел имуще зрак, полно бремя несуще – яко же обычаи имут в Приморий живущии бремена имети во отхождении зимных, своим же гласом зовомо кережа" /Ч.2. С.478/. |

Оба приведенных примера можно рассматривать как стремление автора объяснить слова, которые, с его точки зрения, могли быть непонятны людям, не связанным с местной северной средой: "часовня", "кережа".

См. также примеры конкретизации другого типа:

| Житие: | Слово: |
|---|---|
| "...и тако соль варя, приготовляху и даяху торжником на куплю, и взимаху от них всяко орудие на потребу монастырскую..." /Л.26об/. | "...и соль варяще, потребная тою обретают – сребра бо не имяху, им же да купят одежие или железа и другая, ими же житие человече содержится, – сия вся солию куповаху" /Ч.2. С.482/. |
| "рыбную ловитву творяху" /Л.26об/. | "И мрежие в море вверзают в ловитву рыбную" /Ч.2. С.482/. |
| /Марфа Зосиме/ "и даст монастырю деревню на реце, зовомеи Суме, на пристанищи брега морскаго" /Л.46об/. | "вдавает же и двор на Суме-реце в пристанище монастырским работником, иже во внешнюю службу исходящим ключимо, в Примории суще" /Ч.2. С.496/ . |

Анализ содержащихся в Похвальных Словах дополнений подобного рода к тексту Житий, указывающих на хорошее знание автором реалий жизни на Соловецком острове и истории Новгорода, неизбежно приводит к вопросу о том, какими источниками располагал в процессе своей работы автор Слов. Вопрос этот тем более правомерен, поскольку авторство Слов традиционно приписывается сербу – Ан[illegible]те Льву Филологу.

Прежде всего, исходя из сопоставительного анализа текстов, следует попытаться выяснить, какая из указанных выше редакций Жития всего вероятнее была для автора Слов источником. Анализ

показывает, что использовать редакцию Волоколамского сборника автор Слов не мог. Прежде всего об этом говорит рассмотренный выше эпизод Похвального Слова Зосиме, содержащий сведения о происхождении и детстве святого. Как говорилось, сведения эти противоречат Волоколамскому списку. Р.П. Дмитриева отметила при этом, что и тот, и другой вариант сведений имеют относительно достоверный характер: поморские села Шунга и Толвуй, названные местом рождения Зосимы, располагались недалеко друг от друга[26]. В то же время, различие этих данных говорит об их разных источниках. Другим доказательством этого является еще один рассмотренный выше пример из текста Слова Савватию, содержащий описание реалий Соловецкого острова. Очевидно, что если бы автор Слова данные о расстоянии от побережья до Соловецкого острова почерпнул из текста в редакции Волоколамского списка, он использовал бы также и содержащиеся там данные о размерах острова. Видимо, первые сведения автор взял из списка другой редакции Жития /они одинаково представлены во всех редакциях/, а последние, отсутствующие в последующих редакциях, взял из другого источника, поэтому они и противоречат Волоколамскому списку. Наконец, на то, что в распоряжении автора Слов не было текста в редакции Волоколамского сборника, указывает то, что при работе над текстом он не использовал ни одного из конкретных сведений, читающихся в данной редакции и утраченных в результате последующих переработок Жития. С другой стороны, все дополнения конкретного характера, внесенные автором в текст Слов по сравнению с Житиями, не находят соответствия в Волоколамском списке.

Значит, в качестве источника автор Слов имел либо текст Жития в редакции ВМЧ, либо один из кратких вариантов /"Повесть о Житии", Сокращенная редакция/. В пользу первого предположения говорят следующие детали, нашедшие отражение в тексте Похвальных Слов: во-первых, в ВМЧ говорится о том, что Савватий и Герман обосновались на острове вблизи горы /т.е. горы Секирной/, в последующих редакциях это указание отсутствует, зато мы находим его вновь в Похвальном Слове Савватию. Ср.:

<u>Житие в редакции ВМЧ:</u>

"Видевше же место некое странно, и водрузиста хиз свои близ езера, малым вдалее от моря, имуще яко поприще едино, <u>на том бе езере гора высока зело, в высоту простреся</u>"/стлб. 508/[27].

Слово Савватию:

"Благостроине плавание получивше, достизают, и не по мале на нь же /на Соловецкии остров/ и восходят, и при единои от гор, тамо сущих, иже в высоту многу простреся, седают" /Ч.З. С.200-201/.

Житие в Сокращенной редакции:

"Видевше же место некое строино, и ту поставиша хиз свои близ езера, мало вдалее от моря, яко едино поприще" /Л.9об-10/.

Другой пример: в редакции ВМЧ Савватий, "получив извещение от Бога от телесных уз отрешитися", начинает молиться, чтобы Господь помог ему получить причастие - давно он был лишен такой возможности, как пишет составитель текста: "понеже бо многа времена не виде человека во острове, отнеле же Герман отиде, подруг его" /стлб. 510/. В последующих редакциях Жития этот текст отсутствует, в Слове же находим ему почти дословное соответствие: "Печалует, да некако благости тоя насладитися сподобится, не виде бо человека во отоце по отшествии Германове" /Ч.З. С.205/.

Еще более наглядным примером может служить рассказ о разговоре Савватия с жителями побережья о Соловецком острове до его встречи с Германом:

Житие в редакции ВМЧ:

"Они же жителие поразумеша мысль блаженнаго, яко хощет тамо вселитися, и реша ему: "О старче, остров он велик и вся ко устрою человеческаго жития имат. Мнозе и многими леты водворитися тамо многащи восхотеша и не возмогоша тамо житие имети страха ради морския нужа". Друзии же глаголаху: "Еще тя зрим, о мнише, во всяцеи убожественнеи нищете. То чим имаши питатися или согреватися, от старости же паче утесняем еси, яко ничто же могыи о себе сам соустроевати?" Рече же преподобныи Саватие: "Аз убо, о чада, такова владыку имам, естество старости юностна творяща и младенца до старости маститы возрастающа, убогих обогащающа и нищая питающа. Некогда бо ему 5-ю хлебы пять тысящь народа насытившу и 7-ю хлебы четире тысящи, и воду в вино приложьша". Поселяне же они, слышавше глаголанная от него, разум имущеи, дивляхуся. Друзии же, не имущеи смысла блага, ругахуся ему. Раб же Божии Саватие возложи упование на Бога, поразмыслив в себе, глагола реченное: "Возверзи на Господа печаль свою, и тои тя препитает" /стлб. 507-508/.

Слово Савватию:

"Поведают ему ведущии остров он, яже о нем, наместнии людие; яко помысл имат тамо водворитися, зазираем бывает от них, яко не ведуща морския нужда и яко недомысленна поносят, иже ничто же имения имущу и в пустем месте вселитися; укоряет же ся яко неразумей, старостию уже одержим сый, кая же о себе устроити имат или может. Той же тем Все сотворшему веровати отвещавает и надежду во нь известну имети, иже готову дающу пищу алчущим, аще и что, но убо готов за любовь своего Владыки скорбь и тесноту лобызати и самую смерть прияти, еже: "Никогда же слышано, яко кто упова на Господа моего и постыдеся коли - всяческим бо Творец той всемощен сый, и такова Владыку имея, сумнения весьма пременен". Таковая слышаще от состаревшася мужа, овии от них удивлению достойна глаголемая судивше, чужахуся, ови же, в смех низшедше, ругание творяху" /Ч.2. С.199-200/.

Ср. Житие в Сокращенной редакции:

"Они же жителие поразумеша мысль блаженнаго, яко хощет тамо вселитися, и реша ему: "Остров он велик и вся ко устрою человеческаго жития имат. Но мнози многими леты водворитися тамо хотеша и не возмогоша страха ради морскаго и нужда. Еще тя зрим, о старче, во всяцем убожестве и нищете. То чим имаши питатися или согреватися, от старости же паче утесняем еси, яко ничто же могый о себе сам устроевати?" Друзии же, не имуще смысла блага, ругахуся ему. Раб же Божии Саватие положи упование на Бога, помысли в себе реченное: "Возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитает" /Л.8об-9/.

Приведенный текст Слова по своему содержанию и структуре в большей степени соответствует тексту ВМЧ, частично сохраняя выражения, отсутствующие в Сокращенной редакции.

Представленные выше примеры говорят о том, что, скорее всего, в качестве источника автор Похвальных Слов использовал в своей работе текст Жития в редакции ВМЧ. В связи с этим возникает еще один вопрос: какие источники использовал автор в тех случаях, когда он дополнял текст Жития? Прежде всего в этом отношении представляет интерес вопрос об источнике в тексте Слов дополнительных сведений, связанных с русскими реалиями и, в первую очередь, подробностями жизни на Соловецком острове. Если согласиться с традиционной версией, источником всех этих данных следует считать устные рассказы соловецкого инока Бог-

дана Русина, который был отправлен монастырской братией в Сербию или на Афон к Льву Филологу и привез ему для работы текст Жития. Однако необходимо поставить вопрос о существовании какого-либо письменного источника для всех приведенных выше данных. Сейчас мы можем говорить об одном таком источнике.

В процессе сопоставительного анализа списков удалось обнаружить среди них два, содержащих текст Жития Зосимы, характеризующийся отличиями, представляющими интерес в свете рассматриваемой проблемы: ркп. из собр. Научной биб-ки МГУ, №1303, датируемая концом ХУI - нач. ХУII века и представляющая собой большой сборник /формат 1°/, включающий статьи из Пролога на весь год, Слова о Псково-Печерском и Святогорском монастырях, Предисловие к Житию Зосимы и Савватия, которое традиционно атрибутируется Максиму Греку, и текст Жития Зосимы /Л.804-837/; а также ркп. из собр. Пискарева РГБ, ф.228, №132, 4°, датируемая ХУII веком, сборник-конволют, содержащий в основном службы, жития и похвальные слова на память новгородских святых /вторая часть этого сборника содержит Слово Григория Богослова на святую Пятидесятницу и собрание различных толкований на Апостольские деяния/, среди новгородских статей первой части сборника- Житие Зосимы Соловецкого /Л.265-306об/, Статья о поставлении гробницы над телом преп. Зосимы из числа посмертных чудес /Л. 306об-307/, Житие Савватия Соловецкого /Л.307об-320/. Важно отметить, что в первом сборнике Житие Савватия вообще отсутствует, а во втором помещается после Жития Зосимы и указанной статьи из состава чудес, что в целом для рукописей, содержащих полный текст Жития Соловецких святых, совершенно не характерно и говорит, очевидно, о том, что текст Жития Савватия был переписан по другому источнику /Житие Савватия читается здесь в редакции с Предисловием Максима Грека/. Рассматриваемый вариант текста Жития Зосимы содержит обширное вступление, также указывающее на то, что Житие Зосимы в данном случае, скорее всего, переписывалось независимо от Жития Савватия, поэтому нуждалось в оформлении своего собственного начала. Исходя из вышесказанного, в дальнейшем будем обращаться только к тексту Жития Зосимы, представленному в рассматриваемых списках.

Сопоставление Жития Зосимы по указанным спискам с другими выделенными редакциями показало, что в данном случае, очевидно, следует говорить еще об одной, ранее не встретившейся нам, 8-й

редакции текста, которую далее будем называть I Дополненной. Не вдаваясь здесь в подробный анализ этой редакции и ее характерных отличий, отметим только, что, несмотря на то, что она представлена в рукописях, датируемых XYII веком, текст ее генетически, по-видимому, является достаточно ранним и представляет собой результат непосредственной переработки в направлении дополнения редакции ВМЧ. Скорее всего, эта редакция могла быть одним из источников, которыми пользовался автор Похвальных Слов.

Именно в тексте Жития Зосимы этой редакции мы находим сведения о родителях святого, соответствующие тексту Похвальных Слов:
"Сеи убо преподобныи отец наш Зосима родися от благочестиву и христиану родителю, отца Гавриила и матери Варвары, от нею же научен бысть святым книгам, и от юности сосуд бысть в наприятие Святому Духу" /Л.268/[28].

Интересно отметить, что сведения о месте рождения преп. Зосимы /село Толвуй/ автор Похвальных Слов взял, видимо, из другого источника, поскольку составитель рассматриваемой редакции ограничился в данном случае сведениями, содержащимися в ВМЧ: "...от тамо живущих единои веси Новгородцкие державы" /Л.268/. Ср. в ВМЧ: "Бе некии муж, отвержеся мира, именем Зосима, сеи бяше благочестивую и богатую родителю сын, во едино от тамо живущих веси Новгородцкие державы" /стлб.515/.

Сведения о родителях Зосимы содержатся в тексте рассматриваемой I Дополненной редакции, в тексте Похвальных Слов и в редакции с Предисловием Максима Грека, тогда как сведения о месте рождения святого – только в Похвальных Словах и в редакции с Предисловием Максима Грека. Это говорит о том, что, скорее всего, у автора Похвальных Слов был еще один, неизвестный нам источник, из которого он почерпнул сведения о месте рождения Зосимы, а составитель редакции с Предисловием Максима Грека, в свою очередь, воспользовался текстом Похвальных Слов, что, как говорилось выше, подтверждается и хронологией создания этих произведений.

В I Дополненной редакции находим также и сведения об "источниках сладких вод" на Соловецком острове, которые затем использовал автор Похвальных Слов: "и езера, имеюще воды сладки" /Л. 268/; ср. в Похвальном Слове Зосиме: "и вод сладких езера многа" /Ч.2. С.362/. В редакции с Предисловием Максима Грека эти

сведения отсутствуют.

То же можно сказать и о другом соответствии между текстом I Дополненной редакции и Похвальным Словом Зосиме, не нашедшем отражения в редакции с Предисловием Максима Грека. В I Дополненной редакции мы находим источник внесенного в текст Похвального Слова уточнения, отсутствующего в ВМЧ:

| <u>Похвальное Слово:</u> | <u>I Доп. редакция:</u> |
| --- | --- |
| "Архиереи же помысли тщетну быти делу - удальшуся от вселенныя месту, приближну же сущу фругом /?/ Мурманским и Каянским, еда что и ненадежно постражут от них, <u>и дивия Лопь близ суши</u>"/Ч.2.С.481/. | "Архиепископ же глаголя в себе: "Где селико, вдалие отче, людеи, да кто может быти тамо? Бе бо приближилося тое место земли Муромскои, и Каянскои, <u>и Лопской</u>, и корильских людеи" /Л.277об-278/. |

Таким образом, сказанное выше позволяет говорить о нескольких известных нам письменных источниках, которые использовал в своей работе автор Похвальных Слов. Поскольку неизвестно, какая редакция Жития Савватия содержалась в рукописях вместе с I Дополненной редакцией Жития Зосимы, а возможно, эта редакция Жития вообще существовала независимо от Жития Савватия /например, в сборниках минейного типа, имевших строго календарную основу, где Житие Савватия и Житие Зосимы помещались в разных томах в соответствии с датами их памяти - 27 сентября и 17 апреля по старому стилю/, то для Похвального Слова Савватию источником следует считать редакцию ВМЧ. Для Слова на память Зосимы, наряду с редакцией ВМЧ, а возможно, без ее использования, одним из источников, скорее всего, являлся текст вновь выделенной нами I Дополненной редакции. Дальнейшее исследование списков Жития, возможно, поможет дополнить эти сведения. Сказанное, в то же время, еще раз подтверждает, что редакция с Предисловием Максима Грека, очевидно, не являлась источником для автора Похвальных Слов, а зависимость этих текстов друг от друга, скорее всего, была обратной.

Анализ текста Похвальных Слов позволяет также высказать ряд дополнительных предположений относительно личности их автора. Особый интерес в связи с этим представляет вопрос о том, каково было отношение Льва Филолога к событиям современной ему русской

действительности, в особенности в тот период, когда он предположительно проживал на Руси /10-20-е годы XVI века/. Р.П. Дмитриева считает, что, скорее всего, он был связан с кругом Максима Грека и Вассиана Патрикеева, являясь противником иосифлянской группировки, поэтому новгородский архиепископ Макарий не включил в Софийский список ВМЧ произведений Льва Филолога, отдав предпочтение произведениям Пахомия Серба, а сочинения Льва Филолога включил позже в Успенский и Царский списки уже в Москве, будучи митрополитом всея Руси[29]. Для определения авторской позиции большое значение имеет эпизод из начала Похвального Слова Зосиме. С точки зрения требований композиции панегирического произведения эта часть текста представляется совершенно излишней, сложно определить даже, как она связана с содержанием Слова в целом. Скорее всего, ее следует рассматривать как своеобразное авторское отступление, выражающее взгляд на события того времени, когда создавалось произведение:

"В последнее же лето наконец владычества иже царствия тезоименитаго, иже рожение от княжеския и царския крови смешение имевшаго, ревнителя, глаголю, христианстеи вере, нищелюбца и мнихочтителя, иже царство сыну предав, четверолетну сущу, сам, мнишество лобызав, умре мирови купно и здешняя жизни, святою схимою украшен и Варлаам переименовав; в начало же владычества юнаго, иже благодати тезоименитаго, и матере его Елены, благочестивою владыку Руси, в епископство архиерея, иже блаженству тезоименитаго, единодушно вси живущии неразумнии людие к просвещению притекоша и вси быша овчата Христова, иже преже дивии зверие. Прогнаша бо ся нечистии бесове от них, разсыпашася чародеиства и все бесовское мечтание исчезе, водрузишася церкви во имя Господне, возградишася жертвенницы нескверний, чистотнии же паче, и освятишася Богови тщанием и подвигом блаженству тезоименитаго архиерея, освятиша же ся и людие в них Господеви, просия чистота веры православныя, прочее неразумнии сынове света, язык свят, царско священие устроются. Тако прещедрыи Господь дивно содела им спасение своею благостию и своего раба одари и толику ему благодать дарова, яко и тех привлещи ко истиннеи вере" /Ч.2. С.349-350/.

Речь здесь идет о событиях 1533 года, когда 3 декабря скончался великий князь Василий Иванович, принявший перед смертью схиму под именем Варлаама. Автором описываются события 1533-38

годов /до смерти Елены Глинской/, когда фактическая власть принадлежала боярской думе, а малолетний князь Иоанн и его мать Елена получили торжественное благословение на великое княжение по воле умершего Василия Ивановича от митрополита Даниила. Именно митрополит Даниил, стоявший во главе иосифлянской группировки и бывший инициатором церковных Соборов, осудивших Максима Грека, Вассиана Патрикеева и их единомышленников, в последние годы жизни Василия Ивановича был одним из наиболее влиятельных лиц в общественной и политической жизни. В 1531-33 годах великий князь окончательно склонился в пользу иосифлян, а постриженники Волоколамского монастыря в лице митрополита безусловно одобряли его действия и поддерживали их своим духовным авторитетом. После смерти Василия Ивановича Елена Глинская опиралась в основном на боярскую думу, в которой сначала Даниил был первым лицом. Постепенно Даниил в значительной мере утратил свое личное влияние на боярство, но Елена до смерти оставалась опорой митрополиту[30].

В свете всего сказанного обращает на себя внимание та оценка, которую дает автор Слова деятельности Даниила после смерти великого князя: "в епископство архиерея, иже блаженству тезоименитаго, единодушно вси живущии неразумнии людие к просвещению притекоша и вси быша овчата Христова..."; "возградишася жертвенницы нескверннии, чистотнии же паче, и освятишася Богови тщанием и подвигом блаженству тезоименитаго архиерея...". Подобная оценка деятельности митрополита в период назревания боярской смуты могла быть дана только его ближайшим стронником. Вряд ли возможно допустить, чтобы автором этого текста был сподвижник Максима Грека и Вассиана Патрикеева, особенно если учесть тот факт, что произведение писалось вскоре после церковных Соборов 1531 года, осудивших Вассиана и Максима.

В пользу предположения, что автор Похвальных Слов Зосиме и Савватию был близок к кругу сторонников митрополита Даниила, говорит также то, что при сравнении Слов с произведениями самого Даниила можно обнаружить много примеров не только их содержательной и идейной близости, но и почти дословного совпадения текстов. Таковы, например, многочисленные рассуждения нравственно-моралистического характера, которым посвящены многие Слова митрополита Даниила и которым уделяет немало места автор Слов Зосиме и Савватию /см., например, Слова 3-е, 12-е, 14-е

Данииловского Соборника[31]/, традиционные для христианской письменности размышления о бренности земной жизни /Слово I6-е Соборника/, рассуждения об обязанностях и взаимных обязательствах игумена и монастырской братии, шире - "пастыря" и "пасомых" /Слово 2-е и 5-е Соборника/. Очевидно, автор Похвальных Слов Зосиме и Савватию был знаком с произведениями Даниила, мог использовать их в своей работе и, возможно, сознательно ориентировался на них как на образцы. В таком случае, он должен был быть одним из сторонников, единомышленников Даниила и разделять интересы и убеждения представителей его круга.

О том, что автор Похвальных Слов разделял многие иосифлянские идейные установки, можно также найти указания в тексте. Особое внимание уделено автором Слов, как отмечалось выше, описанию различных требований монастырского устава, мелких подробностей регламентации быта и поведения братии в обители. Все эти эпизоды очень близки между собой в содержательном и стилистическом плане, в основе их лежит представление об устроистве монастырского общежития в строгом соответствии с соблюдением правила, выраженного кратко самим же автором: "Ослушание смерти вина, и послушание животу" /Ч.3. С.97/. Принцип беспрекословного послушания и полного подчинения воли монаха настоятелю, строгая регламентация внешней стороны монастырской жизни были характерны именно для иосифлянского направления. Все эти установки закреплены Уставом Иосифа Волоцкого[32], в отличие от Предания и Устава Нила Сорского, основное внимание составителя которых было уделено проблемам внутреннего самоусовершенствования иноков[33].

Говоря о мировоззрении автора Слов, следует обратить внимание еще на один отрывок из текста, в котором вновь находят прямое выражение его идейные установки: "Сице бо лепо мужу боголюбцу, своими руками делающу, свои хлеб ясти и ничто же делати мнимым им благоговеинством и лихоимствовати ближняго, насиловати во усилии его, притворным благоговеинством чужия труды поядати... Но что раздражишася неции ныне на ны, сии, иже туждим трудом готови простирати руце на приятие приносимым им? Слышавше похвалу предобрым мужем, иже от своих трудов ядят и неимущим подают от усилия си, им же и возмездие много от великодаровитаго Бога, своих укоризну не щуют быти онех похвалу. Сим же паче яко чужим желателе обличишася, с восхищающими равно, стыдятся и о сих хапляются, и люте болезнуют, и на ны негодуют, яко сия гла-

голавша. Что сия, о премудрии? Еда от нас таковая словеса изыдоша, да и в лепоту негодовати на ны, или до вас точию достигоша, да болезнуете? Но от Моисея в сущие тогда племена, даже и до пришествия Владычня, слышано бысть слово сие, еже не похищеши, еже имат ближнии твои. И Господеви совершеннеише веления и высочаишая всадившу, пришед бо в закони: "Будите щедри, - глаголя, - яко Отец ваш небесныи щедр есть", и апостоли: "Терпите до пришествия Господня,-увещавают, глаголюще, - ждуще упования и явления славы Господня". Тем же болезнуяи о сих да увещает Божественнаго Духа и Слова Божия Иисуса и да не глаголет сих, заповесть же евангелистом, да запретит и апостолом, и пророком да возбранит. Ныне же ничто же ново смеющим вводити, но яко же от учителеи церкви соборная слышаще, преже утверженная глаголем. И что прочее вам и нам? Яве, яко ничто же, но точию вам или она преставити, или себе исправити и тако от глаголания освободитися. Аще бо и нам молчащим, вещи сами явленне ~~есми~~ вопиют" /Ч.2. С.368; 471-473/.

Приведенный отрывок явно носит полемический характер и направлен против тех, кто "чужия труды поядает". Возникает закономерный вопрос: следует ли рассматривать этот текст в качестве поучения и обличения нравственно-моралистического характера, традиционного для христианской письменности, или, учитывая условия общественной борьбы в литературе рассматриваемого периода, здесь следует говорить о том, что полемика направлена в данном случае против иосифлянства как идейного направления, а автор выразил нестяжательские установки? По-видимому, первый вариант ответа на этот вопрос является в большей степени правильным. Полемика ведется здесь по достаточно абстрактному вопросу моралистического характера о необходимости труда, "рукоделия" и личного нестяжания иноков, который одинаково решался как представителями иосифлянского, так и нестяжательского направлений. Причем именно иосифляне, уделявшие столь значительное внимание вопросам организации внешней стороны монастырского быта, обращались к этой проблеме наиболее часто. Много примеров, близких по своей содержательной направленности рассматриваемому тексту, можно найти,в частности, в произведениях того же митрополита Даниила /см., например, Слова 12-е, 16-е Соборника/. Помимо того, ссылки на авторитет Священного Писания как главное доказательство истинности своих рассуждений, используемые в

полемике автором Похвальных Слов, также в большей степени характерны для произведений иосифлянской школы, представители которой были склонны к признанию незыблемости церковных традиций и авторитетов и отрицали любую возможность критического подхода к ним.

Таким образом, все сказанное выше позволяет усомниться в правильности отнесения автора Похвальных Слов Зосиме и Савватию по его убеждениям к числу сторонников нестяжательского направления, тем более ближайших сподвижников Максима Грека и Вассиана Патрикеева. По-видимому, автор Слов был связан с традициями иосифлянского направления.

Следует также отметить, что замечание Макария Булгакова о том, что составитель Похвальных Слов Михаилу и Феодору Черниговским, очевидно, находился в момент создания этих произведений на Руси, поскольку прекрасно разбирался в исторических событиях и политических течениях русской общественной жизни того времени и "обращался к своим слушателям, как бы находящийся и проповедующий среди них лично"[34], в полной мере, по-видимому, можно отнести и к Словам на память Зосимы и Савватия, что полностью подтверждается анализом их текста. Автор прекрасно ориентируется в современных для него событиях русской действительности и реалиях русской жизни, что, как было показано, нашло отражение в тексте созданных им произведений. В связи с этим можно предположить, что традиция, связывающая создание этих текстов с именем русского автора, могла иметь под собой значительные основания.

Атрибуция же Похвальных Слов сербскому агиографу, могла быть обусловлена местными причинами, например, свойственным соловецкой братии стремлением связать создание произведения, посвященного прославлению памяти основателей их обители, с именем известного в то время автора, живущего далеко от Соловков, и тем самым подчеркнуть, что авторитет Зосимы и Савватия широко распространился в дальних землях. Это предположение, однако, вызывает сомнение в том отношении, что совершенно неизвестно, какие произведения создал Лев Филолог в Сербии, потому был ли он известен там и на Руси. Сербские источники, как уже отмечалось, сведений о таком авторе не содержат, все русские произведения, приписываемые Льву Филологу, приписываются также и Зиновию Отенскому. В этом отношении следует еще раз обратить внимание на

упоминавшийся уже здесь Овчинниковский сборник РГБ /ф.209, №289/, содержащий почти все произведения, приписываемые одновременно Льву Филологу и Зиновию Отенскому, причем писец однозначно рассматривал их как произведения одного автора, о чем говорят заглавия:

- "Месяца септеврия в 27. Филолога Черноризца Слово о преп. Савтии...";
- "Месяца априля, 17. Черноризца Слово о Пасце и о преп. Зосиме.";
- "Калугера того же о святых великомученику новую, иже от Чернигова, славною Михаиле и Феодоре синглитице...";
- "Того же черноризца о святых великомученицех Михаиле и Феодоре новых, иже от Чернигова..." /Нач.: "И о Михаиле вкупе речем, вкупе и о Феодоре...", Слово традиционно всеми исследователями, начиная с Н.И. Субботина, атрибутируется Зиновию Отенскому/;
- "Того же о иноци Иосифе, иже состаи общии монастырь близ Волока Ламскаго..." /Житие Иосифа Волоцкого, написанное неизвестным/.

Возможно предположить также, что соловецкая братия, наоборот, намеренно приписала создание Слов перу неизвестного в то время серба, что могло быть обусловлено репутацией реального автора, нежеланием почему-либо называть его имя. В таком случае, послание Анкиты Льва Филолога, так называемые "Букви Филолога Черноризца", могло быть написано в Соловецком монастыре, потому оно намеренно имитировало сербское написание, что должно было стать наглядным подтверждением созданной легенды о нерусском происхождении автора. Может быть, именно этим объясняются особенности орфографии письма, которые невозможно свести к сербизмам, хотя данный вопрос нуждается в специальном изучении и значительно осложняется невозможностью непосредственно обратиться к рукописному тексту. Сказанное, возможно, объясняет и отмеченное Н.И. Субботиным противоречие между языком Послания и Похвальных Слов, написанных на достаточно правильном церковно-славянском языке с использованием сложных синтаксических конструкций и не содержащем явных сербизмов[35]. Причиной же нежелания назвать имя реального автора, наряду с другими, могла быть его опала, ссылка, либо принадлежность к противоположной общественно-религиозной группировке. В данном случае следует вновь, по-видимому, говорить о борьбе нестяжательской и иосифлянской группиро-

вок, которая значительно обострилась в то время, когда создавались Похвальные Слова на память Соловецких святых.

К этому времени Максим Грек был осужден вторично церковным Собором /1531 год, первый раз – в 1525 году/ и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь, такая же участь постигла и близких к нему людей, разделявших нестяжательские идеи – были сосланы, в частности, Медоварцев и Силуан. Как предполагает Ф. Калугин, среди попавших в опалу стронников Максима мог быть и Зиновий, сосланный в Отню Новгородскую пустынь около 1526 года[36]. Этот факт из биографии Зиновия Отенского, наряду с тем, что его именем настойчиво подписываются произведения Льва Филолога в русских рукописях, может говорить в пользу того, что Зиновий действительно мог быть реальным автором этих произведений. Очевидно, произведение, посвященное прославлению памяти основателей Соловецкой обители, нежелательно было связывать с именем человека, находившегося в опале, да еще к тому же поддерживавшего нестяжателей: первоначальная редакция текста Жития Зосимы и Савватия создавалась при участии и поддержке новгородского архиепископа Геннадия, единственный наиболее близкий к ней список дошел до нас в рукописи из собрания монастыря Иосифа Волоцкого, переписанной уже в первой четверти XVI века, именно эта редакция, скорее всего, была взята за основу при подготовке текста Жития для ВМЧ митрополита Макария, поэтому можно говорить, что над прославлением памяти Соловецких подвижников до этого трудились прежде всего иосифляне.

В то же время, как неоднократно говорилось выше, по своему содержанию Похвальные Слова на память Соловецких святых вряд ли могут быть приписаны автору, разделявшему нестяжательские воззрения, потому атрибуция их Зиновию Отенскому в этом отношении может вызвать сомнения. Однако здесь необходимо учитывать, что о Зиновии нельзя говорить как об убежденном стороннике Максима Грека. Известно, что Зиновий радикально расходился с Максимом в таком важнейшем вопросе, как в вопросе о праве монастырей на владение имуществом, о чем прямо говорил в своей книге [37]. Ф. Калугин отмечал также, что отсутствуют какие-либо заметные следы влияния письменных трудов Максима на литературную деятельность Зиновия[38]. Очевидно, Зиновий мог расходится с нестяжателями и по другим, менее значимым вопросам, что, с одной стороны, не мешало ему относиться к Максиму с прежним уважением как

к своему учителю, а, с другой стороны, возможно, не мешало иосифлянам признавать его произведения, во многом отражавшие их собственные идейные установки, не называя, однако, при этом, имени их автора. Может быть, поэтому Макарий и не включил в состав Софийского списка ВМЧ Слово о Михаиле и Феодоре Черниговских, о чем говорит Р.П. Дмитриева, поскольку оно было написано Зиновием, когда последний находился еще в одном стане с нестяжателями, и затем, позднее, будучи уже митрополитом всея Руси, Макарий включил это Слово в Успенский и Царский списки, опять же с именем Льва Филолога, когда Зиновий, возможно, уже отошел от нестяжателей и разошелся с ними по важнейшим вопросам, из-за которых собственно и велась полемика между этими направлениями.

Авторство Зиновия могло бы объяснить и то, что большинство произведений, приписываемых Льву Филологу, так или иначе связано с Новгородом: Слова на память Зосимы и Савватия посвящены прославлению монастыря, лежавшего в пределах Новгородской епархии, и отражают многие реалии жизни Новгорода и Русского Севера, а в Слове на память Михаила и Феодора Черниговских в объяснении, почему Новгород не пострадал от нашествия Батыя, находим развернутую похвалу новгородцам: "../Батый/ великое мучительство всему русскому языку сътвори, протече же даждь и до предел Великаго Новаграда. Тамо же внити ему, яко же глаголют мнози, Божественная сила возбрани: ибо здравьствоваше тогда Великии Новград от злобы оноя, чист бо бяше зависти и неправды и гръдости, равность в себе наипаче любяще и нравом некако прости, гордитися не зело ведяще, наипаче же церковная мужа зело почитаху и учителеи стыдящеся помногу, удобь послушны поучаемым суще, ко архиерею же по истине, яко овца к пастырю и яко к Христу говеяху - еже и сыроядца оного не попусти вредити или озлобити, но внегда к пределом их приближитися, купно постыдевся, плещи вдаде, Божественнеи силе возбраняющи ему"[39].

Все сказанное говорит о том, что, возможно, появление имени Зиновия Отенского в названиях произведений, приписываемых Льву Филологу, не является простым недоразумением, как посчитал Ф. Калугин, а указывает на их реальное авторство, о котором в силу причин, обусловленных общественно-религиозной борьбой той эпохи, говорить открыто было нежелательно. В то же время, отсутствие достоверных фактических сведений как о самом

Льве Филологе, так и о личности Зиновия Отенского заставляет ограничиться в этом отношении лишь предположениями.

В любом случае, изучение вопроса об источниках Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия и об их отношении к разным редакциям Жития Соловецких святых позволяет расширить существующие представления о личности их автора, что, в свою очередь, дает дополнительные возможности для решения сложнейшей проблемы их атрибуции.

## ПРИМЕЧАНИЯ

I. Рукопись отмечена Я.С. Лурье: ст. Житие Иосифа Волоцкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. -Л., 1988. Т.2. Ч.I. С.274.

2. Православный собеседник. -Казань, 1859. Ч.2. С.229-240; 347-368; 471-511; Ч.3. С.96-118; 197-216.

3. Субботин Н.И. Сведения о Филологе Черноризце, проповеднике XУI века. //Прибавление к Творениям святых отцев. - 1859. Ч.18. С.522-548.

4. Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. -Спб., 1882. С.274.

5. См., например: Трифуновић Ђ. Азбучник српских средновековних књижевних појмова. -Београд, 1974; Радојичић Ђ. Творци и дела старе српске књижевности. - Титоград, 1963; Кашанин М. Српска књижевность у средњем веку. - Београд, 1975.

6. Лихачев Д.С. Забытый сербский писатель перв. полов. XУI века Анкита Лев Филолог. // Горски Вијенац, Cambridge, 1969. P.215-219. A Garland of Essays, Offered to Prof. E.M. Hill; Дмитриева Р.П. К литературной деятельности Льва Филолога. // Исследования по древней и новой литературе. -Л.,1987. С.64-68.

7. Иванов С.В. Кто был автором анонимного Жития преп. Иосифа Волоцкого. //Богословский вестник, сентябрь, 1915. Т.3. С.173-190; Лурье Я.С. ст.Житие Иосифа Волоцкого //Словарь книжников... С.273-275.

8. Субботин Н.И. Сведения о Филологе Черноризце... С.526.

9. Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. -Спб., 1894.

10. Дмитриева Р.П. К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога... С.65-66.

11. Субботин Н.И. Сведения о Филологе Черноризце... С.537.

12. Дмитриева Р.П. К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога... С.65.

13. Бегунов Ю.К. Три описания весны /Григорий Назианзин, Кирилл Туровский, Анкита Лев Филолог/. //Сборник историје књижевности. Отделение языка и књижевности. -Београд, 1976. Т.10. С.270.

14. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. -М., 1871. С.190-203.

15. Яхонтов И.К. Жития святых северноруcских подвижников Поморского края как исторический источник. - Казань,1881. С.13-32.

16. Дмитриева Р.П. Слово о сотворении Жития начальник Соловецких Зосимы и Савватия. //Русская и армянская средневековые литературы. -Л.,1982. С.123-126; Значение Жития Зосимы и Савватия Соловецких как культурно-исторического источника. //Армянская и русская средневековые литературы. -Ереван, 1986. С.215-228; Житие Зосимы и Савватия Соловецких. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. -Л., 1988. С. 264-267; Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. //Книжные центры Древней Руси XI-XУI веков. Разные аспекты исследования. -Спб., 1991. С.220-225.

17. Минеева С.В. Житие Зосимы и Савватия Соловецких: история текста и стиль /по рукописям XУI-XУII веков/. Автореферат диссертации канд. филолог. наук. -М., 1993.

18. Дмитриева Р.П. Значение Жития Зосимы и Савватия Соловецких... С.217-219; Житие Зосимы и Савватия...//Словарь книжников... С.266.

19. Дмитриева Р.П. Значение Жития Зосимы и Савватия Соловецких... С.218.

20. Там же. С.222.

21. Там же. С.222.

22. Далее сноски на источники в тексте с указанием листа рукописи, столбца или страницы печатного издания.

23. Далее при отсутствии специальных оговорок для сопоставления привлекается текст Житий в Сокращенной редакции по ркп. Троице-Серг. собр. РГБ, ф.304, №693.

24. См. ркп РГБ, ф.113, собр. Иосифо-Волок. мон-ря, №659, перв. четв. XУI века.

25. Скопин В.В. На Соловецких островах. - М.: Искусство. - 1991. С.34-91.

26. Дмитриева Р.П. Значение Жития Зосимы и Савватия... С.222.

27. ВМЧ цит. по изданию Археографической Комиссии, Спб., 1912, за 17 апреля.

28. I Доп. редакция цит. по ркп. РГБ, собр. Пискарева, ф.228, №132.

29. Дмитриева Р.П. К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога... С.66-67.

30. Жмакин В.Г. Митрополит Даниил и его сочинения. -М., 1881.

31. Там же. Приложения.

32. Духовная грамота преп. игумена Иосифа о монастырском устроении. - ВМЧ за 9 сентября. -Спб., 1868. Стлб.499-587; Лурье Я.С. Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого - памятник идеологии раннего иосифлянства. //ТОДРЛ. Т.12. 1956. С.123-1267

33. Боровкова-Майкова М.С. Нила Сорского Предание и Устав. - Спб., I9I2; Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. -М-Л., I960. С.I8-22.

34. Макарий /Булгаков/. История русской церкви. Изд. 2-е. - Спб., I89I. Т.7. Кн.2. С.386.

35. Субботин Н.И. Сведения о Филологе Черноризце... С.526, примечание.

36. Калугин Ф, Зиновий, инок Отенский...

37. Зиновий, инок Отенский: Истины показание к вопросившим о новом учении. -Казань, I863. С.890-905.

38. Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский... С.203-204.

39. ВМЧ за 20 сентября, -Спб., I868. Стлб.I3I3.

47-1530